

Граница Юнъинь

Река Оман

У этой реки самый обширный бассейн на континенте, а её основное течение и два великих притока проходят через территории четырёх стран: Тун, Юнъинь, Фаньцзя, Чжаобэй, и, по-видимому, с Фэн Мином у них неразрывная связь.

До сих пор самым великим сражением, которое пережил юный Фэн Мин, являлось то, что происходило на берегу реки Оман. Эта война нанесла огромный урон здоровью императора Ли, Жо Яню, к тому же к ослепительному титулу князя Мина прибавилась важность[1] от прозвища «мастер боевых стратегий».

Однако вместе с тем на берегу реки Оман Лу Дань умело и крайне успешно осуществил хитроумный план — поймал Фэн Мина и, отняв у Жун Тяня, привез в Дунфань. В итоге это привело к тому, что Жун Тянь лишился престола Силэй, и к оспе, разгоревшейся в столице Дунфань. Два государства одновременно столкнулись с сильнейшим ударом.

Из-за всего случившегося журчание текущей под кораблём речной воды, что достигало уха Фэн Мина, имело смешанный и неопиcуемый привкус.

Сейчас он, князь, на большом и самом роскошном в мире корабле рода Сяо плыл по основному течению реки Оман в своё небывало-великое путешествие.

Вот только с ним была ещё компания не переносящих шума служанок, которая настойчиво требовала прекратить рябющую уже даже в глазах музыку, заменив её на личное исполнение близняшек.

— Князь Мин вообще не слышит другой мелодии! — донёсся до уха князя недовольный голосок Цю Син, как только музыка утихла.

Стоило девушке это произнести, как с двух сторон её потрясли за плечи, даже заставляя Фэн Мина обернуться и сказать со смехом:

— Я слушаю, песня очень мелодичная, как пение иволги[2], нет, ещё мелодичнее. А ну, давай вознагражу тебя фруктами. — И, сразу же схватив со стоящего в стороне подноса с фруктами зелёную «награду», кинул Цю Юэ.

Ранней весной река Оман была полноводна. И хоть большая джонка поднималась вверх против течения, однако из-за корпуса судна и широкой конструкции была необычайно устойчивой. Фэн Мин и его слуги вышли на палубу, дабы проветриться, кто-то из них сидел, кто-то — стоял, наслаждаясь пейзажами, распротёртыми по двум берегам реки Оман.

На столике, что стоял на ковре, были поднос с фруктами и горячий чай. Ло Дэн действительно не солгал — даже наполненный фруктами поднос с чайной утварью являлись редкими драгоценностями.

Потрясающие виды радовали глаз.

Все любовались журчащей речной водой, спокойным горным пейзажем, а нос щекотал весенний свежий ветерок, в котором едва чувствовался аромат обновлённых деревьев, что росли в горных лесах.

Цю Лань, преклонив одно колено, полусидела на мягком и толстом голубом ковре и, опустив голову, сосредоточенно вышивала для князя новую накидку, однако, услышав недовольство Цю Юэ, девушка подняла голову, с лёгкой улыбкой говоря:

— Князь Мин наверняка скучает по государю.

— Где уж там? — И лицо князя покраснело, после чего, скинув сапоги, Фэн Мин, последовав примеру Цю Лань, сел на ковёр. — Я раздумывал над тем, как выполнить странное задание, данное мне моим отцом.

— Молодому господину стоит быть осмотрительнее в словах, — грубый и строгий тон, внезапно раздавшийся со стороны, заставил вздрогнуть от испуга.

Фэн Мин вместе с Цю Лань одновременно, испугавшись, подняли головы, встречаясь со взглядом серьёзно относящегося даже к речам и смеху[3] Ло Юня, лицо которого было немного строгим. Юноша холодно проговорил:

— Хозяин является известным в мире почтенным мастером меча, и где бы ни ступала его нога, все чтят и уважают его. Хозяин признал молодого господина своим сыном, сделал наследником всего имущества рода Сяо, поэтому как можно таким неуважительным тоном говорить о хозяине?

С тех пор, как Ло Нин приказал ему стать «заменой» Фэн Мина, Ло Юнь начал постоянно следовать за князем. Придирчивый, почти как Жун Ху, к сожалению, в сравнении с личным телохранителем относился он к князю очень скверно. Неизвестно, где Фэн Мин стал ему препятствием, однако Ло Юнь мог весь день с застывшим, словно маска, лицом, либо тихо стоять в стороне, либо, если внезапно открывал рот, тотчас же подколоть.

Одно неосторожное слово тотчас же было схвачено за косу[4], а сам князь горестно подумал: «Искусство меча действительно неплохое, а слово «почтенный» надо бы ещё поизучать».

Вот только он являлся сыном, к тому же находился среди людей своего отца, которые почитали господина Сяо Цзуна, поэтому стоило быть внимательнее, в итоге князь был вынужден

уступить и признать свою ошибку:

— Верно, я неправ, но я исправлюсь. — И, обернувшись к Цю Лань, поправил сказанное до этого: — Я сейчас обдумываю, как мне выполнить данное отцом поручение.

Цю Лань и близняшки уже на протяжении долгого времени следовали за своим господином и мало придирались к князю, так как их князь Мин являлся крайне нежным созданием, чем кто-либо или что-либо в этом мире, потому трём девушкам было противно смотреть на дурное отношение со стороны Ло Юня, а несколько дней спустя служанки, дружно сговорившись, и вовсе стали игнорировать существование юноши. Стоило только Фэн Мину попасть в неловкое положение из-за Ло Юня, как девушки наперебой, обнажив улыбки, оживлённо спросили:

— Что именно отец князя Мина поручил ему? Почему мы об этом впервые слышим?

На что князь ответил:

— Он хочет, чтобы я в течение года проложил путь для перевозки светящегося песка.

Цю Юэ вскрикнула:

— Вдруг захотел проложить водный путь! С того момента, как род Сяо начал заниматься водными перевозками, он уже наверняка проложил немало водных путей. Так неужели им не хватает их, и господин захотел проложить ещё один? И впрямь весьма странное поручение.

Служанка специально выделила слово «странное», чтобы стоящий в стороне Ло Юнь, услышав его, недовольно фыркнул. Притворившись, что не услышала этого фыркания, Цю Син снова спросила, не подыскивая слов:

— Неужели такой талантливый человек, как господин Сяо, не может позаботиться о том, чтобы проложить один путь? Ведь он является известным в мире почтенным мастером меча, и где бы ни ступала его нога, все чтят и уважают его.

— Не волнуйся. Наш князь Мин такой смыслённый, что способен справиться с невыполнимым делом господина Сяо.

Цю Лань добавила:

— Иначе почему господин Сяо передал такое огромное имущество рода Сяо князю Мину? А поскольку он уже признал князя Мина своим родным сыном и к тому же вручил навигационные карты, значит, он выражает свою веру в способности князя Мина.

Цю Юэ кивнула, многозначительно говоря:

— Вот поэтому род Сяо с древних времён и до этих дней держит корабли, недвижимое имущество, фанзы[5], да ещё и людей отдала под управление князя Мина, ведь он действительно очень хорош[6]. — Старшая близняшка, будучи единодушна с сестрой, при упоминании «людей» специально сделала паузу, бросая взгляд на Ло Юня.

Цю Лань, прикрывая ладошкой рот, сказала со смехом:

— Само собой разумеется. — Когда дело касалось препирательств или злобы, разве мог Ло Юнь сравниться с тремя служанками, которые с малых лет воспитывались в императорском дворце Силэй?

Однако хоть Ло Юнь и побледнел, словно смерть, умение сдерживаться у него было развито до ужаса потрясающе, с необычайным самообладанием юноша по-прежнему стоял рядом, словно вкопанный, даже взгляд ни на волос не отвёл.

Фэн Мин же, наоборот, почувствовал себя виновато и с издёвкой вернул:

— Девочкам только и нравится «чирикать», я сказал одну фразу, а каждая из вас — по три, в общей сумме девять. У вас во рту не пересохло? Идите вместе и промочите горло.

На что Цю Лань мягко отозвалась:

— Я не хочу пить. — И, опустив голову, продолжила пришивать кайму к подолу накидки.

Однако Цю Юэ действительно, почувствовав жажду, вытянула белую, как у князя, ручку и, взяв чашечку, выпила содержимое, после чего наполнила ещё одну и с улыбкой подала Фэн Мину, дабы напоить его.

Но тут вмешалась Цю Син, спрашивая:

— А князь Мин продолжит рассказывать про перевозку того светящегося песка? В конце концов, каким образом?

— А есть ещё какой-нибудь другой способ? В течение года необходимо открыть один водный путь. Я смотрю на приток реки Оман и тотчас же думаю о воде, а думая о воде, сразу думаю о водном пути, поэтому только сейчас обеспокоился, как быть с этим делом.

— Тогда, может, не думать ни о чём? — с любопытством спросила Цю Юэ после того, как, отставив чашечку, зашла за спину князя и, сев, легонько начала массировать плечи Его Светлости.

Состроив огорчённую мордашку, Фэн Мин ответил:

— До настоящего времени я лишь знал, что этот светящийся песок добывается на островном государстве — Даньлине, к тому же, кажется, что нам сопутствует неудача. Ну а кроме этого, я даже не знаю, откуда взять способ полегче?

Цю Син рассмеялась:

— Всё же это непросто? Джонки семейства Сяо недостаточно потрясающие? Мы спросим у Ло Дэна, он наверняка знает. — Поднявшись, она помахала рукой, подзывая мужчину, что находился на другой стороне палубы: — Ло Дэн, главный управляющий Ло Дэн, скорее иди сюда!

Поначалу мужчина находился подле Фэн Мина, но, когда оставшийся караван кораблей подошёл, он направился на другую сторону палубы, чтобы отдать приказ, и сейчас, когда Цю Син его позвала, Ло Дэн немедля подошёл к ней с вопросом:

— Сестрица Цю Син, по какому делу искала меня?

И хоть он принадлежал роду Сяо Цзуна, но управляющий судоходным промыслом и главарь охраны действительно сильно отличались характерами: Ло Дэн всегда был крайне улыбчивым и мягким человеком, в то время как Ло Нин — командующий «бандой» головорезов господина Сяо — всегда ходил, словно род Сяо задолжал ему сто восемьдесят лян[7] золота.

Как только Цю Син рассказала о сути дела, Ло Дэн ответил:

— Ах, это! Хозяин уже осмеливался присылать устное сообщение, в котором действительно затрагивал данное дело. — И, обернувшись к князю, с улыбкой сказал: — Молодой господин, оказывается, из-за этого огорчился? Если это основная проблема, то ваш подчинённый может немного помочь. — И вслед за словами мужчина жестом подозвал своего подчинённого, приказывая: — Ты поможешь мне принести из каюты карту Поднебесной.

Вскоре карта была подана.

Ло Дэн, расстелив её, с уважением снял сапоги и, ступив ногами, что были облачены в белые матерчатые чулки[8], начал, легко улыбаясь:

— Прошу позволить Вашему подчинённому сначала рассказать молодому господину про расположение пути, что ведёт к светящемуся песку.

Цю Лань, которая так старательно шила новую накидку князю, подумав про себя, что не следует ввязываться в подобное дело, спокойно продолжила тянуть нитку. Ло Юнь также не пожелал присоединиться к компании.

Фэн Мин с близняшками добровольно подошли, являясь примерными учениками, как раз

вместе с Ло Дэном каждый из них стал держать уголки карты и, столпившись вокруг неё, опустил голову, изучая рельефы.

— Докладываю молодому господину: Даньлинь является единственным островным государством.

— Это мы знаем, — откровенно проговорила Цю Юэ. — Контуры этого Даньлиня узкие и длинные, и наш кусочек материка находится на приличном расстоянии от Бэйци, Боцзянь, Тун и Силэй, что вблизи моря. Если оттуда отправляться, то можно доплыть до Даньлиня. Вот только кратчайший путь до него по-прежнему...

— Тун. — Внезапно поняв, что сама прервала объяснения Ло Дэна, Цю Син смущённо улыбнулась и, указывая пальчиком на карту, добавила: — Здесь, где граница очень ясно очерчена, морской берег Тун и Силэй самый близкий от Даньлиня.

На что Цю Лань подняла голову:

— Тун? Разве мы сейчас не туда направляемся?

Состроив гримасу очаровательной наивности, Цю Син ответила:

— Князь Мин ещё не решил, он сказал, что необходимо посмотреть на положение Тун, а там будет видно. Но с другой стороны, князь Мин позавчера вечером действительно был крайне внушителен — стоял на носу корабля, выпрямив спину, словно государь, и сказал: «Я отправляюсь в это путешествие ради большого дела — объединения Поднебесной, а не чтобы погибнуть». Это было поистине потрясающе, стоит лишь вспомнить.

Сбоку донеслось едва слышимое бессловесное фырканье. Конечно же, его издал Ло Юнь.

Фэн Мин неловко отозвался:

— Вам не следует вновь вспоминать дело того вечера, ладно? Вечно перебиваете тех, кто говорит, берегитесь, Ло Дэн разозлится и, схватив карту, уйдёт, так ничего не объяснив.

— Подчинённый не осмелится, — Ло Дэн по-доброму улыбнулся, продолжив дальше объяснять: — Горизонтальная двойная линия, что пролегает между большим материком и Даньлинем, называется...

— Проливом Модунхай. — Заметив пристальный взгляд Фэн Мина, Цю Юэ кокетливо улыбнулась и, прикрывая ладошкой рот, проронила: — Ой, я признаю свою ошибку, в следующий раз я не осмелюсь перебивать.

— Отправляясь от материка, пройдём через пролив Модунхай и достигнем северо-западного берега Даньлиня — это самый кратчайший и удобный способ.

— Угу, тогда мы тотчас же отправимся к проливу Модунхай, следуя прямо, мы живо доберёмся.
— Кивая сказанному, Фэн Мин внезапно заметил, что Ло Дэн не проронил ни слова, подняв взгляд, князь спросил: — Есть какая-то проблема? Ах, я понял, у нынешних джонок нет возможности переплыть пролив? Если дело в этом, то нужно найти способ создать несколько довольно больших лодок, способных переплыть моря, и всё.

Но Ло Дэн покачал головой:

— Если нужно проплыть через Модунхай, то наши корабли рода Сяо смогут это сделать, раньше уже пробовали отплывать как от берегов Силэй, так и от Тун, и успешно добирались до Даньлиня.

— Э? — с глупым видом взъерошил волосы князь, спрашивая: — Уже бывало подобное? Тогда к чему мне прокладывать новый путь?

Неужели господин Сяо, этот странный старик, наконец-то решил проявить к нему немного отцовской любви и специально выдвинул давно выполненное дело в качестве условия для унаследования имущества, чтобы унять муки совести — родить родил, а воспитывать не стал?

Однако Ло Дэн вздохнул со словами:

— Корабли хоть и успешно добрались до Даньлиня, однако пришлось потратить огромное количество золота, дабы загрузить доверху пару кораблей светящимся песком, вот только после на нас напали морские разбойники и ограбили. Модунхай является территорией морских разбойников, говорят, в море разбойничают около четырёх-пяти крупных шаек, а малых — в море просто не счесть, потому из тех мест почти невозможно спокойно вернуться с богатой добычей.

Фэн Мин внезапно обомлел.

То есть, можно смело допустить, основываясь на небольшом знакомстве с Сяо Цзунем, что у всемирно известного господина Сяо совершенно нет совести.

Морские разбойники!

Слегка подпрыгнув от испуга, Цю Юэ обеспокоенно спросила:

— Неужели эти морские разбойники даже корабли господина Сяо смеют грабить?

На что Ло Дэн горько улыбнулся, возвращая:

— Могущество судоходного дела рода Сяо имеет вес лишь в государствах, которые меньше прилегают к морю. А те морские разбойники родились в море, они являются его владельцами, и каждый день готовы вступить в схватку с ветром, волнами и грозой. Они от рождения знают как воспользоваться изменчивым морем, чтобы противник сгинул в пучине. В проливе Модунхай везде рифы и мелководье, а поток воды переменчив, и они это всё знают как свои пять пальцев. Наши же люди, находящиеся на борту, по большей части привыкли работать внутри континента, а если говорить про морское путешествие, тем более про морскую схватку, как можно их сравнивать с морскими разбойниками?

— Неужели господин Сяо несколько не расстроился, когда его корабли со светящимся песком подверглись грабежу? — моргая пронизанными светом большими глазами, спросила Цю Син.

Стоило затронуть эту тему, как брови Ло Дэна нахмурились, а сам мужчина сделал вид, словно ему было страшно вспоминать о произошедшем:

— Морские разбойники, что обосновались в заливе Даньлинь, известны своей жестокостью. Они ограбили нас, забрав светящийся песок, — допустим, но кто бы мог подумать, что они откажутся отпускать людей, тогда на борту нашего судна были вырезаны все до единого, никого не пощадили, спустя полтора месяца безжизненная джонка благодаря течению прибилась к берегам Боцзянь, только тогда нам удалось всё узнать. Увы, картина на борту судна стояла поистине зверская... — Стиснув зубы, мужчина продолжил: — Узнав об этом, хозяин пришёл в ярость и сразу же воспользовался на тот момент самой большой и крепкой джонкой, что была у рода Сяо, подготовил разного рода продукты, инструменты и лично вышел в море, поклявшись уничтожить ненавистных морских разбойников, — сказав это, мужчина внезапно остановился.

Слушая рассказ, все напряглись, а когда Ло Дэн остановился, стали «наседать»:

— А что было дальше?

Даже Цю Лань увлеклась историей и, задрвав голову, слушала, о чём далее поведаёт Ло Дэн. Ло Юнь хоть и не изменился в лице, вот только ухо-то наострил, явно вслушиваясь в рассказ мужчины.

На лице самого Ло Дэна промелькнула шелковинка загадочности, а голос стал тише:

— После, когда вернулась джонка, я лично отправился её встречать. Отплывая, хозяин взял с собой сто семьдесят семь человек, что служили роду Сяо, а когда она вернулась, на борту находился лишь хозяин. Сам корабль был покрыт следами крови и разными странными отпечатками, по-видимому, судно столкнулось с яростной атакой.

Цю Юэ, не выдержав, спросила:

— В конце концов, что тогда произошло на корабле?

Ло Дэн ответил:

— Когда хозяин сошёл на берег, ничего не стал рассказывать, а мы разве осмелились спрашивать? Вот только с тех пор больше никто не отправлялся к берегам Даньлиня за светящимся песком.

Вопросы были излишни, надменный Сяо Цзун лишь немного пострадал из-за случившегося. Не исключена возможность, что он чуть не остался погребённым волнами в том проливе, и только благодаря искусству меча, чем был знаменит, смог бежать живым.

Фэн Мин открыл рот от удивления. О, святая Мария, Сяо Цзун, не справившись с подобным делом, неожиданно послал его, князя, заняться этим? Как ни суди, как ни ряди, да только истина одна — быть кем угодно, только не сыном ненормального!

Ло Дэн вновь прервал молчание:

— Светящийся песок является драгоценным сырьём для отливки клинков, что касательно других стран, то он им крайне необходим. Если повезёт достать, то за огромную цену кто-нибудь да согласится его купить. Только вот до сих пор, кроме парочки-другой маленьких мешочков на корабле, никто не умудрился привезти песок домой.

К тому времени Жун Ху уже вернулся, однако увидев, как все, включая князя Мина, увлечённо слушают рассказ, удобно устроился на гакаборте[9] и, обняв колени, тоже стал слушать историю Ло Дэна про светящийся песок. То, что Сяо Цзун просил Фэн Мина проложить морской путь, Жун Ху давно знал, и хоть придумать, как обратно вернуться, было несколько сложнее, однако даже он, телохранитель князя Силэй, не мог помыслить, что Сяо Цзун столкнётся с трудностями.

Более того, телохранитель, находясь подле Жун Тяня, постоянно имел отношение к военным делам и их аспектам, потому обдумывал всё скрупулёзнее, чем три служанки Его Светлости, и сейчас, открыв рот, затронул один сомнительный момент:

— Если в проливе Модунхай такие свирепые разбойники, в таком случае, когда корабль господина Сяо отправился в море, как ему удалось благополучно достигнуть берегов Даньлиня?

На что Ло Дэн поднял большой палец вверх, как бы хваля молодого генерала за столь «меткий»[10] вопрос. После чего пояснил:

— Светящийся песок на материке хоть и дороже золота, но в Даньлине он буквально везде и всюду, на самом деле их песчаная отмель — это и есть светящийся песок. Вот только по

правилам приличия торговому судну, что закупает песок, необходимо производить закупку у правителя Даньлиня, конкретно говоря, за цзинь золота[11] можно купить двадцать цзинь светящегося песка. Эта установленная цена, конечно, крайне суровая, но если повезёт привезти его обратно, мы можем за цзинь этого песка выручить цзинь золота и быстро покрыть расходы, так как прибыль за такую перепродажу возрастёт в девятнадцать раз.

Цзинь, о котором говорил мужчина, был равен, по современным подсчётам, ноль целых и семьдесят три сотых килограмма. Но несмотря на это, подобная прибыль, которая являлась признаком хорошей торговли, могла свести с ума бизнесменов любой эпохи.

— Наша вышедшая в море джонка была специально создана для этого путешествия, ведь она не только большая, к тому же быстроходная, редко какой корабль может её настигнуть. Когда отправимся в Даньлин, возьмём с собой золота сто цзиней, это никак не мешает скорости нашего корабля. Следующие за кораблём люди — мастера своего дела, как только они почувствуют что-то неладное, тотчас же всеми силами ускорят судно, и, думаю, нам удастся оторваться от морских разбойников. Но когда отправимся в обратный путь, то сто цзиней золота превратятся в две тысячи цзиней светящегося песка...

Все тотчас же поняли.

Большой джонке, нагруженной такой тяжестью, будет крайне сложно уйти от преследования морских разбойников.

Ло Дэн закончил говорить, и на палубе воцарилась тишина.

Фэн Мин повесил голову и пал духом, даже наслаждение прекрасными речными пейзажами больше не вызывало восторга. Понятно, что надо было сойти с ума, чтобы поднять паруса и отправиться прокладывать путь к светящемуся песку, но эта история стала подобна раскату грома, что раздался в ясную погоду, а затем на князя словно вылили таз холодной воды, спуская с небес на землю.

Ло Юнь, до этого не высказывавший своего мнения, сейчас внезапно с холодной усмешкой спросил:

— Год пролетит, не успеешь и глазом моргнуть, позвольте спросить князя Мина: есть ли какое-нибудь решение данной проблемы?

Действительно, взял тот чайник, который не кипит[12].

Цю Юэ свирепо уставилась на Ло Юня, а потом перевела взгляд на несчастного князя, который совсем приуныл, более того, девушка понимала, что сейчас Его Светлость ничего хорошего не надумает, и, подняв взгляд, специально вскрикнула, отвлекая внимание многих, после чего вскочила и, опираясь на перила, указала вдаль со словами:

— Там пристань, и там очень людно. Главный управляющий Ло, что это за место?

Ло Дэн тоже ощущал воцарившуюся неловкость от создавшейся ситуации, потому тотчас же ответил:

— Конечно же это знаменитая большая пристань у границ Юньинь, которая называется Фэньчэн. Множество торговцев производят здесь обмен, а корабли рода Сяо постоянно выгружают товары. Сойдём на берег, немного минуем Фэньчэн, которая не может сравниться со столицей Юньинь, но тоже крайне процветающее место, — и мужчина вновь угожающе улыбнулся.

— Так или иначе, в связи с полученными ранее новостями, мы не можем отправляться к берегам Тун, поэтому сейчас этого более чем достаточно. Кто-нибудь хочет сойти на берег и прогуляться по Фэньчэн?

— Конечно хотим! — Близняшки, едва услышав о прогулке, тотчас же закричали, запрыгали от счастья, и, подскочив к князю — одна с левой стороны, другая с правой — схватили его руки, кокетливо проворковав: — Князя Мин, идёмте, идёмте, мы целыми днями пребываем на корабле, и все уже ужасно заскучили!

Но Фэн Мин нахмурился и, посмотрев на Жун Ху, отозвался:

— Правда можно сойти?

Две громадины «сплотились воедино» и сошли на берег, покинув такую прекрасную, уютную и большую джонку, что ни с того ни с сего стала превосходной тюрьмой. Три служанки — Цю Лань, Цю Син и Цю Юэ — вместе с ещё тремя охранниками — Жун Ху, Ло Юнем и Ло Дэном — в итоге шесть человек, которые, словно пластырь из собачьей кожи[13], и без того день и ночь ни на шаг не отходили от князя, вдобавок с каждой стороны по десять, итого двадцать, человек охраны, состоящей из крепких и рослых мужчин, — попросту говоря, железные валы и медные стены[14] воздвиглись вокруг князя, заставляя последнего плакать, но он не мог выдавить ни слезинки, ведь незнающий человек со стороны мог счесть князя крайне высокомерным и бесчестно надменным, поэтому обиженных людей было множество, к тому же везде кишели подсланные убийцы, ища и усложняя князю жизнь, что приводило к такой плачевной ситуации, где нужно было постоянно защищать себя.

Даже с наступлением вечера, когда двадцать хорошо обученных охранников окружали его комнату снаружи, а три служанки — согласно приказу Его Светлости — спали в другой комнате, единственные, кто по-прежнему остался у изголовья кровати князя, — Жун Ху и Ло Юнь. На все протесты Фэн Мина Жун Ху отвечал:

— Государь приказал: даже если князь Мин будет мыться, мы всё равно должны находиться рядом и присматривать за ним, к тому же сейчас все слуги отпущены. У князя Мина если остались претензии, Ваш подчинённый по-прежнему будет действовать в соответствии со строгим указом государя. — Одна фраза усмирила Фэн Мина, и он больше не посмел выдвигать

своих требований.

Поэтому теперь в ночной тиши, когда князь открывал глаза, первый, кого он видел, был если не Жун Ху, то холодный и безэмоциональный Ло Юнь, спокойный взгляд которого постоянно менялся, становясь необыкновенным.

С таким обращением, равносильным отношению к международному опасному преступнику, эти «камни», а не охранники, разве позволят ему, князю, сойти на берег прогуляться? И Фэн Мин жалобно посмотрел на Жун Ху.

Под его пристальным взглядом Жун Ху не смог сдержаться и насмешливо изогнул уголки губ, невольно говоря:

— Можно сойти на берег и прогуляться по Фэньчэн, но только обязательно в сопровождении охраны, к тому же князю Мину нужно пообещать, что при прогулке он не станет привлекать внимание и беспокоить людей.

— Конечно, конечно! — Цю Юэ решительно кивнула вместо Фэн Мина и бойко подняла руку, добавив: — К тому же князь Мин пообещает не отставать в прогулке и тайком не скроется с наших глаз, и, несомненно, будет вести себя, как послушный князь, от начала и до конца.

Фэн Мин хоть и был охвачен беспокойством из-за поручения наладить поставку светящегося песка, однако сейчас не удержался и на поддразнивания Цю Юэ, нежное и гладкое личико которой ущипнул, с издёвкой сказал:

— К чему отставать и тайком скрываться? Как будто я целыми днями только и делаю, что доставляю всем неприятности.

Следовавшие за ним долгое время люди — в том числе Цю Син, Цю Юэ, Цю Лань и Жун Ху — все обнажили одно выражение лица, говорящее: «Вы действительно целыми днями только и делаете, что доставляете неприятности...» И раз уж Жун Ху дал согласие, то кроткий Ло Дэн, конечно же, не стал что-либо возражать. Тогда толпа обернулась и уставилась на Ло Юня. Этот тип постоянно шёл наперекор князю, и непонятно было: то ли он защищает, то ли, наоборот, чинит препятствия.

Стоящий в стороне Ло Юнь обвёл взглядом людей, смотрящих на него, и холодно спросил:

— Чего?

— Так... — Сглотнув слюну, Фэн Мин с осторожностью задал вопрос: — Мне можно сойти на берег и прогуляться по Фэньчэн? Погляди, Ло Дэн сказал, что график успешно составлен, переживать не о чем, к тому же эта пристань является одной из важнейших судопогрузочных пристаней для нашего рода Сяо.

Неизвестно почему, но Ло Юнь хоть и был моложе князя, однако от его тела исходила мрачная мощь, которую нельзя было недооценивать. Когда князь едва встретился с его отцом, Ло Нином, то полагал, что последний более могущественный, чем его отпрыск, однако сейчас при свете дня, если присмотреться внимательнее, то казалось, что Ло Юнь превосходит отца. К тому же внешность, таящаяся за холодом и мрачностью, была наделена другой неопишуемой, пронизывающей до костей мощью. Кроме князя, три милых служанки не одобряли подобного. Они всегда считали, что юноша пользуется своим положением и совершенно не знаком с высшим и низшим рангами.

Ло Юнь равнодушно мельком взглянул на Фэн Мина, словно не хотел встречаться со взглядом князя, но как только это случилось, юноша машинально отвёл глаза в сторону и без какого-либо колебания проговорил:

— Князь хочет куда-нибудь пойти — это дело князя, а мы, подчинённые, разве способны вмешиваться?!

На что Фэн Мин обрадовался: будь отец Ло Юня, этот злющий Ло Нин, таким же сговорчивым, было бы хорошо. Воспользовавшись моментом, пока Ло Нин находился на борту другого судна и не мог озвучить своего мнения, толпа незамедлительно подготовилась к высадке и прогулке. Ло Дэн, собрав карту, направил людей отдать приказание рулевому — причалить к берегу, к тому же приказал поднять флаги, что были на корме и носу судна, сообщая остальным кораблям также пришвартоваться.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «высокая шляпа», обр. в знач.: важность, стремление придать себе значимость.

[2] Имеется в виду китайская (черноголовая) иволга.

[3] Обр. в знач.: быть серьёзным, не смеяться и не болтать попусту.

[4] Обр. в знач.: выискивать ошибки, ловить на промахах.

[5] Фанза - тип традиционного жилища в Китае.

[6] 𠄎 — этот иероглиф может употребляться в диалоге как «крепкий, сильный, молодец», а так же «крутой, классный» — в разговорной речи.

[7] Лян — мера веса, равная 50 г, значит, род Сяо «задолжал» 9 кг золота.

[8] В оригинале фраза звучит как «матерчатые чулки и соломенные сандалии», обр. в знач.: экипировка путешественника.

[9] Закруглённая часть кормовой оконечности судна.

[10] В оригинале фраза звучит как «с первой стрелы попасть в центр мишени; обр. в знач.: с первого слова попасть в цель, говорить по существу [дела].

[11] Цзинь — китайский фунт, равняется 10 льям или 500 граммам в КНР и Малайзии, 16

лянам или 600 граммам в Гонконге, Сингапуре, на Тайване.

[12] Эта идиома исходит от притчи о владельце чайной, который отвадил не платившего посетителя, заваривая ему чай холодной водой. Обр.: задевать за живое, допустить бестактность, затронуть запретную тему; ср. русск. наступить на больную мозоль, в доме повешенного говорить о веревке, сыпать соль на рану.

[13] Как мы понимаем, автор имеет в виду, что слуги, как лекарство, — полезные, но слишком сильно опекающие.

[14] Обр. в знач.: неприступная крепость, непреодолимая преграда.

<http://bllate.org/book/13377/1190215>